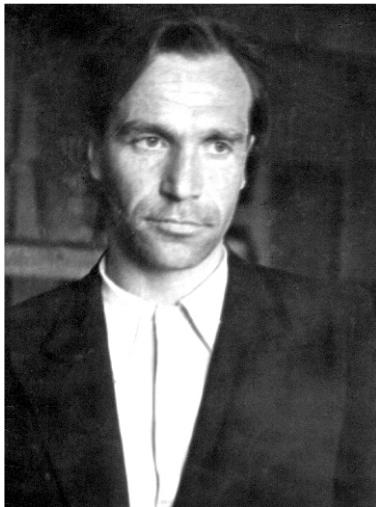

ГАЛЕРЕЯ

ИЮЛЬ 2019 № 3

ИЗДАНИЕ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГАЛЕРЕИ ГОРОДА КОСТРОМЫ

28 июля мы отмечаем 95-летие со дня рождения талантливейшего российского художника, нашего земляка Владимира Пантелеймоновича Муравьева (1924-2006). Он оставил Кострому и переехал в Москву в конце 1950-х. Творчество художника – уникальный феномен искусства XX века – развивалось в лоне «неофициальных Москвы» и со временем получило признание самых высоких художественных институций (работы Муравьева находятся в разделе экспозиции искусства XX века Государственной Третьяковской галереи). Нынешнему юбилею художника посвящена выставка «Осторожно: дети +». Тему, связанную с воспоминаниями о костромском периоде жизни художника, подсказала его вдова Алла Максимовна Марченко-Муравьева: «По окончании Костромского училища в 1951-м году Владимир Муравьев уехал в поселок Палкино преподавать рисование и черчение в средней школе, через два года он перевелся в Сотинку, в детский дом, о котором вспоминал с каким-то особым чувством, как о нечаянной радости, чуть ли не подарке судьбы. Пятьдесят лет спустя ситуация как бы повторялась... Воспоминания о Сотинке удерживали от беды и болезни, укрепляли «зацепку за жизнь». Дети на его картонах последних 4-5 лет – всегда радость, всегда какой-то детский праздник! Они, как и он, чудом уцелели в войну, и им, вместе, надо было стараться жить...»

В экспозиции выставки «Осторожно: дети +», открытой в галерее с 25 июля по 25 августа, более 20 работ из собрания семьи художника из циклов «Танцующие дети», «Птичий концерт», «Пляжное».

АЛЛА МАРЧЕНКО

«ЭТО БЫЛ САМЫЙ ВАЖНЫЙ И СЧАСТЛИВЫЙ ПЕРИОД МОЕЙ ЖИЗНИ»

Зимой 1991-го в интервью для журнала «Человек» («Ставка - жизнь», №2) Муравьев так объяснил свою как бы «инертность» в ту энергичную пору мало кому понятную: «Прадед у меня был священник, вот от него, видимо, и передалась по наследству смущающая вас и невключченность в гонки за успехом, и чувство самодостаточности. Отсюда же и привычка обходиться тем, что есть, и за лишним не рваться». И интервью, и публикация в «Человеке» лучших его, музейного класса работ (каждая из восьми занимает всю журнальную полосу) были инициативой Тамары Владимировны Громовой, зам. директора библиотеки иностранной литературы, и она потом долго жаловалась мне на неразговорчивость Владимира Пантелеймоновича. На самом-то деле таким откровенным, как в их публичном разговоре «за жизнь», я его не помню. Он же в тот раз чуть ли не настежь распахнул дверцу в страну,

населенную детдомовскими сиротами блокадного Ленинграда. Мне, к примеру, куда подробнее рассказывал про Палкино, где по окончании Костромского художественного училища проработал полных два года в нормальной средней школе. Впрочем, может быть, потому, что об этом «леспромхозе» мне с детства было известно по рассказам тетки, младшей сестры матери. Ее, как и Муравьева, отправили туда вместе с мужем Федором Ивановичем Смирновым после лесного техникума. Сохранилась даже фотография лесной конторы. По их словам, тогдашнее Палкино, то есть в конце 20-х, все еще оставалось почти прежним, «как при купцах-лесовиках». В одной из изб «стародавней» постройки, у «Боровой Матки» Муравьев и устроился «на жительство». За тридцать сталинских лет Палкино, разумеется, «олеспромхозилось». Электричество, радио, клуб, десятилетка вместо школы грамоты... Одна Боро-

вая Матка продолжала бытовать при керосиновой лампе и груздь как в старь называла: «Царь-гриб». Ее, конечно, окоротили, отрезав часть приусадебного участка. Вот и осталась за отгородкой любимая «Чудояблоня». Хозяйка горевала о разлуке со старой яблоней так сильно, что Муравьев решился вернуть яблочное Чудо восьмидесяти. Никто из коллег не советовал, особенно учитель биологии, он же фанатичный садовник, стара, дескать. Но он все-таки решился. Благо осень выдалась безморозной. И что же? Весна пришла. За весной лето. И тоже погожее. А возвращенка стоит безлистенно, однако не сохнет. И живая вроде, а как мертвая. И вдруг, уже в сентябре, в класс, где у выпускников урок технического черчения, врывается малышня: «Владимир Паныч! Владимир Паныч! У Боровой Матки яблоня в цвет пошла!»

Студенты Костромского художественного училища, фото 1951 года.
В верхнем ряду третий слева - В.Муравьев, во втором ряду в центре - преподаватель О.И. Герасимова (Малыгина)

И еще один тоже палкинский рассказ помню. У бывшей купецкой конторы пристройка была. С отдельным входом. Холодная, буржуикой отапливалась. Делу - время, но и потеха должна быть, пусть хоть на час, без нее никакое дело не спорится. Да при Сталине какие потехи? Пустует прежняя зала. Где стол был яств, там гроб стоит... И вот как-то подходит к Муравьеву его лучший ученик, отличник, секретарь комсомольской организации, верный кандидат на медаль, в ярославский строительный на архитектурное отделение собирается, и, ничуть не смущаясь, говорит: «У нас сегодня в купецкой пристройке топотуха будет, приходите. Вы же у девочек спрашивали, а они объяснить не сумели. Только хихикали». - «Да по какому слушаю топотуха?» - «Как по какому? Масленица! Если бы в Рождество, выговор с занесением... А в Масленую сойдет...» Ух, как рассказывал мне про эту «потешку» Муравьев! Вошел, дескать, а никто не приветствует. Ждут. Чего или еще кого? Ну да ждут, пока оглянусь-освоюсь и у двери пристроюсь, молча с деревянными лицами. Дождавшись, делятся на два. Парни - у правой стены, девочки - у левой. И опять бездвижно. Ждут? Чего? И гармонист ждет. Я на гармонь загляделся, такие и в музыкальной коллекции редко где ссышь. И вдруг гармонист как ветром в угол, где самое тьмо, швырнуло, и время, будто стрелка на невидимых часах, во тьму русских столетий сдвину-

лось... Перевести на бедный свой письменный язык продолжение этой прелюдии я не в состоянии. Да и Муравьев не смог, когда я, вернувшись из Ленинграда (мы с тетей Марусей так и не нашли пропавшую в блокаду фотографию Палкина), просила-упрашивала. Ну, сделай усилие, вспомни... Нет, не отказывался — просто не получалось. Зато, разбираясь в течение полугода после его смерти в мастерской на Остоженке, обнаружила картинку — как бы фрагмент кинофотографии костромской «ТОПОТУХИ». Вихрем всеобщего плясования мужская фигурульность на шею-голову укорочена-резана, но женская спину дер-жит...

Что касается третьего года добровольно-обязательной ссылки в Костромскую глушь, то об этом Владимир Пантелеймонович сам рассказал все в той же беседе с Тамарой Громовой: «Три года почти был я там, два в школе, третий — это кульминация моей жизни — в детском доме. Завучем в этот дом был назначен Иван Иванович Осокин, работавший в нашей школе (в прошлом ленинградец, высланный в связи с делом Кирова). Дирек-

тор этого дома проворовался. Дети у него (между прочим, ленинградские дети) озверели с голодухи, превратились в каких-то разбойников... Это был 53-й год. Stalin уже умер. Мерзавца директора наконец сняли, Осокина сделали директором, и он тут же стал переманивать меня из Палкина к себе. И я с радостью поехал, хотя платить он мне мог только за полставки. Год в детдоме получился теплый какой-то. Я был бессемейный и потому все время был с ними. Ребята возвращались к человеческому состоянию, а я к жизни. Вырубал скульптуру — женскую фигуру из березы, натуральным художеством и детей увлек. Камни тащили, корни какие-то волокли из леса. Мастерскую хотели сделать. А места там великолепные — трехэтажный особняк, бывшая барская усадьба. Раньше был парк, спуск к реке, и мы с ребятами взялись за его восстановление. Каждый день как праздник. Мы же занимались тем, чем хотели. Без принуждения. Катание с горы в кошках освоили, я правил, естественно. Однажды все-таки перевернулись, и я в полуныне угодил. Мог бы и утонуть. Все равно восторг. Да я вообще оптимист, потому что верю в жизнь. Жизнь не в высоком смысле, а в первичную, детскую, на биологическом уровне. Она неистребима. Десять месяцев, которые прожил в детдоме, укрепили во мне эту веру. Веру в силу человеческого естества. Веру, что именно эта сила и спасет, и очистит все. Неважно, когда это будет. При мне или без меня.

Топотуха. 1962. Из собрания галереи

Жарко! 1995

Пост скриптум

Надеюсь, что я по возможности внятно объяснила, почему радуюсь, что в Костроме увидят не только иронико-сатирического, но и веселого, праздничного Муравьева. И все-таки несколько подробностей на всякий случай добавляю...

Принято противопоставлять дневниковые тексты позднейшим воспоминаниям автора как более достоверные. В рассуждении статистики и впрямь надежнее. А вот в живой жизни по-разному. Регулярных дневниковых хроник у Муравьева практически нет, точнее, были, но он их уничтожил, как и свои письма с фронта, которые

Мария Федоровна тщательно хранила. Зато несколько разноформатных общих тетрадей, заполненных разно-жанровой смесью, все-таки сохранил. В одной, самой объемной, предназначавшейся, видимо, для выписок из читаемых в костромской библиотеке книг. (Из Достоевского - длинные, из Ницше - коротенькие). Однако и здесь между Достоевским и Ницше встречаются и мысли, и соображения, связанные с событиями текущего дня, например, отклик на пойманное попольскому радио сообщение о восстании в Будапеште осенью 1956-го. (Своего рода комментарий к работе «Русские танки в Будапеште», подаренные позднее в Костромской музей-заповедник по просьбе тогдашнего его директора Виктора Яковлевича Игнатьева). Среди таких неожиданностей встречаются и черновики начатых, но недописанных или неотправленных писем, то вписанные в тетрадь, то просто вложенные. В том числе и два текста, связанные с воспоминаниями Владимира Пантелеимоновича о работе воспитателем (в качестве «кружковода») в детском доме №38, приютившем в годы войны и блокады ленинградских сирот. В первом, датированном марта 1991-го, Муравьев объясняет давнему своему товарищу художнику Михаилу Виноградову, каким образом получилось так, что Т.В. Громова, представляя читателям журнала «Человек» автора публикуемых в том же выпуске цветных фотографий его картин, по ошибке приписывает ему участие в печально знаменитой выставке в Манеже в 1961-м, где по распоряжению Н.С. Хрущева были сорваны в числе прочих якобы и его работы. Ни журнал, ни письмо Виноградову Владимир Пантелеимонович по размышлению не отоспал, но это особый, слишком длинный, с участием многих характеристических лиц той эпохи, а главное - к нынешней выставке отношения не имеющий сюжет.

Второй текст - это черновик ответа на письмо однокурсника. Три года назад (в 1951-м)

Из цикла «Пляжное», 1993

они потеряли друг друга, не обменявшись второпях новыми, предписанными распределением адресами. Судя по всему, написан по горячим следам (май 1954-го), сразу по возвращению в Кострому. Муравьев, остыv, видимо, по-другому, иначе объяснил и внезапный отъезд, иссору с директором. То же самое, кстати, сказал он и мне. Правда, без деталей. Коротко. Дескать, погорячился, не сообразил, что Иван Иванович Осокин, человек и пугающий и опытный, хорошо знающий нравы тогдашних райисполкомов, беспокоился не только о себе, но и о дальнейшей судьбе детей. А ну как разбросают поодиночке по разным приютам? Впрочем, и Муравьев по-моему прав. Простым наведением порядка очеловечить «банду» одичавших от голода и небрежения подростков и впрямь невозможно. Война отняла у детей войны детство. Чтобы вернуть им эту потерю, надо было и самому «кружководу» в свои тридцать стать почти таким, как «непростительно молодой» Николай Тихонов в «Орде» (1920). Муравьев любил этот сборник.

*Праздничный, веселый, бесноватый,
С марсианской жаждою творить,
Вижуя, что небо небогато,
Но про землю стоит говорить.*

*Даже породниться с нею стоит,
Снова глину замечать огнем,
Каждое желание простое
Освятить неповторимым днем.*

Осень 56-го. Из собрания Костромского музея-заповедника

27 ЛЕТ СПУСТЯ: ОБРЕТЕНИЕ ИМЕНИ

Прогуливаясь по парковой зоне близ филармонии, можно увидеть пять скульптурных композиций из мрамора. Они привлекают внимание, но, когда они появились, и кто их создатели, знают (увы!) немногие. Мы решили вернуться к истории их появления и раскрыть тайну авторства.

Летом 1991 года у костромских скульпторов Александра Еремина и Иосифа Дащевского появилась идея провести в Костроме скульптурный симпозиум. Незадолго до этого А. Еремин принял участие в подобном событии в Ульяновске. Главный художник города С.И. Маковей, Администрация Костромы поддержали инициативу - создать оригинальные произведения пластики и разместить их в пространство города. Симпозиум стартовал осенью 1991 года. В нем приняли участие пять костромских скульпторов - Алина Усова, Александр Еремин, Иосиф Дащевский, Владимир Смирнов, Сергей Чернов. На одном из предприятий каждому автору по его выбору был предоставлен кусок мрамора. Местом создания произведений стал парк у здания художественного музея. Весной следующего года было решено установить скульптуры близ филармонии. Завершилась работа по установке 30 мая 1992 (точность даты подтверждает запись в дневнике Владимира Смирнова). Долгие годы безымянные скульптуры вызывали вопросы, давали повод для предположений и суждений иногда совсем необоснованных.

Преодоление бесконечности. Скульптор И. Дащевский

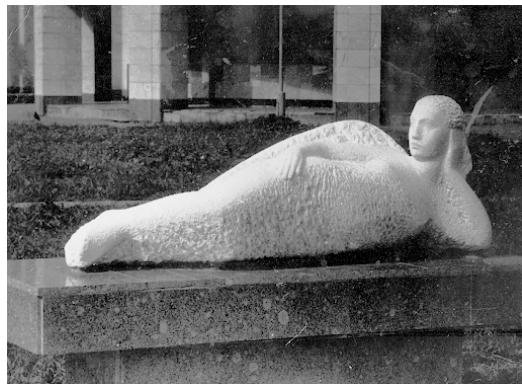
Композиция с шаром. Скульптор С.Чернов

Лик. Скульптор В.Смирнов

Мальчик. Скульптор А. Усова

Муз. Скульптор А.Еремин

9 августа 2019 год в преддверии Дня города Костромы на скульптурах появятся таблички, где будут указаны имена авторов, названия композиций и время их создания. Это совместная акция муниципальной художественной галереи и Костромской организации Союза художников России.

**ВЫРАЖАЕМ БЛАГОДАРНОСТЬ ПОСТОЯННОМУ СПОНСОРУ НАШЕЙ ГАЗЕТЫ
ИД «ЛИНИЯ • ГРАФИК • КОСТРОМА»**

ГАЛЕРЕЯ

Адрес галереи Пл. Мира,2 Тел 51-64-45
E-mail: kosgallery@yandex.ru
Электронный вариант газеты: <http://kosgallery.ru/gazeta.html>

Номер подготовки: В.Прямикова,
Е.Громова
Тираж 500 экз.

Газета отпечатана
в ИД "Линия График Кострома"
тел.54-75-81